

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ГЕОРГА ШВАРЦЕНБЕРГЕРА

Описывая появление политического реализма, отечественные исследователи редко упоминают Георга Шварценбергера (1908-1991). Кроме того, к сожалению, иногда приводятся и неверные данные. Так, в своем учебнике профессор Иркутского университета Г. Н. Новиков ссылается на работу «английского международника Д. Шварценбергера»³⁶⁷. П. А. Цыганков также считает, что одним из наиболее известных представителей политического реализма был «Джордж Шварценбергер»³⁶⁸. Представитель Свободного университета Берлина в МГИМО (У) МИД РФ Катя Мильке утверждает: «В 1930-е годы из Германии эмигрировали такие известные ученые как А. Вольферс, Р. Нибур, Г. Й. Моргентау, Г. Г. Херц, К. Кнор и Г. Шварценбергер. Обосновавшись в США, они выступили с критикой идеалистических взглядов на политику, противопоставив им реалистическую парадигму и упорно продвигая ее в научной среде»³⁶⁹. На самом деле, Георг Шварценбергер эмигрировал из Германии в 1934 г. и «обосновался» в Великобритании (Кроме того, Рейнхольд Нибур из Германии не эмигрировал, он родился 21 июня 1892 года в Райт-Сити, штат Миссури).

Подобное игнорирование Георга Шварценбергера отечественными исследователями теории международных отношений, возможно, объясняется тем, что практически все его крупные труды были посвящены вопросам международного права, публиковал свои статьи он также, в основном, в юридических журналах, и преподавал (с 1938 г. до ухода на пенсию в 1975 г.) на факультете права Лондонского Университета. Тем не менее, именно работа Георга Шварценбергера «Политика с позиции силы»³⁷⁰ (вышла в свет в 1941 г., последнее, третье, издание было опубликовано в 1964 г.) оказала значительное влияние не только на развитие современного политического реализма, но и на формирование английской школы международных отношений.

П. А. Цыганков считает, что для английской школы международных отношений центральной является концепция «международного общества»³⁷¹. Именно эта концепция рассматривается в статье Шварценбергера «Власть закона и дезинтеграция международного общества», опубликованной в январе 1939 г.³⁷² В данной статье Шварценбергер рассматривает два наиболее важных типа групп, участвующих в общественных отношениях – сообщество (*community*) и общество (*society*). Критерий, по которому эти два типа групп отличаются друг от друга – солидарность. Основная функция сообщества – сохранение своих традиций, того, что и определяет идентичность данной группы. Сообщество тесно связано чувством солидарности. Если же данное чувство отсутствует, или недостаточно сильно выражено, чтобы сплачивать индивидов, то основной функцией группы становится урегулирование противоречивых интересов входящих в группу индивидов.

Различную роль в обществе и в сообществе играет право. Закон в сообществе обычно формализует традиционно принятые нормы поведения, которые соблюдаются и в отсутствие зафиксированных правовых норм. Право в сообществе определяет отношения, которые большинство считает приемлемыми; его применение оказывается оправданным только в аномаль-

³⁶⁷ Новиков Г. Н. Теории международных отношений. [Электрон. ресурс]: Адрес доступа: <http://olddesign.isu.ru/hist/mimo/textbook/teorii.doc>.

³⁶⁸ Цыганков П. А. Теория международных отношений: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004. С. 109.

³⁶⁹ Мильке К. Исследования в области международных отношений и мировой политики в Германии: история и современное состояние //Полис. 2005. № 4. С. 118.

³⁷⁰ Schwarzenberger G. *Power Politics: An Introduction to the Study of International Relations and Post-War Planning*. London: Jonathan Cape, 1941. P. 488.

³⁷¹ Теория международных отношений: Хрестоматия/Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 362.

³⁷² Schwarzenberger G. *The Rule of Law and the Disintegration of the International Society* // *The American Journal of International Law*. Vol. 33, No. 1 (Jan., 1939), P. 56-77. [Электрон. ресурс]: Адрес доступа: <http://links.jstor.org/sici?sici=0002-9300%28193901%2933%3A1%3C56%3ATROLAT%3E2.0.CO%3B2-G>.

ных ситуациях. В целом, закон для сообщества – проявление общих ценностей и отношений, которые являются реальностью для большинства и связывают их в группу.

Роль закона в обществе иная – предотвратить состояние «войны всех против всех» и сделать возможным ограниченное сотрудничество между индивидами. Индивиды видят свою цель в том, чтобы обеспечить или улучшить свои позиции, стремятся преследовать исключительно собственные интересы и, в лучшем случае, готовы применять в отношениях друг с другом принципы взаимности в соответствии со своим могуществом.

Интересен предлагаемый Шварценбергером анализ международной политики по состоянию на январь 1939 г. По его мнению, представляется весьма сомнительной перспектива выработать в ближайшем будущем какие-либо общие нормы поведения, необходимые для функционирования международного общества. С другой стороны, дезинтеграция международного общества сопровождается, как полагает Шварценбергер, и некими объединительными тенденциями. Среди последних приводится пример блока держав Оси, объединенных не столько близостью идеологии и страхом – реальным или притворным – перед коммунизмом, сколько наличием общих интересов. Отмечается также определенная тенденция к сближению малых государств Европы друг с другом, в чем Шварценбергер усматривает зачатки федерализма. В качестве примеров проявления данной тенденции приводятся союз прибалтийских государств, сближение балканских стран и Болгарии, сотрудничество между собой скандинавских стран, к которым по некоторым вопросам присоединяются также Бельгия и Голландия, попытки Польши создать «санитарный кордон» от Балтики до Черного моря. Данные региональные проявления федерализма, а также возможность осознания крупными западными демократиями общности тех ценностей, которых они придерживаются как во внутренней, так и во внешней политике, Шварценбергер считает наиболее конструктивными тенденциями, которые «прослеживаются среди руин классической межгосударственной системы»³⁷³.

Таким образом, уже в январе 1939 г. Георг Шварценбергер высказывается в духе, типичном для английской школы международных отношений, сочетая постулаты политического реализма с анализом международной системы «как относительно целостного «общества», где господствуют единые нормы поведения его членов-государств»³⁷⁴.

То же сочетание ярко проявляется и в его книге «Политика с позиции силы». В предисловии к данной работе Шварценбергер отмечает, что определение международных отношений исключительно как политики с позиции силы вряд ли можно считать соответствующим действительности «даже во время мировой войны с тоталитарными государствами»³⁷⁵. Все же подобные принципы достаточно широко применяются, в первую очередь, диктаторами. Лидеры прочих государств, как считает Шварценбергер, просто вынуждены следовать их примеру, «хотя бы потому, что они не могут избежать контакта с теми, кто полностью одержим идеями права силы»³⁷⁶. Силовая борьба за обладание могуществом и властью по-прежнему остается главным фактором международной политики, и скрывать это, считает Шварценбергер, нет смысла. Игнорирование данной реальности только играет на руку диктаторам. Гитлер, например, прямо заявил в 1939 году, что его главное политическое преимущество – сознательное использование силовых методов, тогда как политики других стран все еще находятся под влиянием иллюзий относительно истинных движущих сил истории. Диктаторы, подобные Гитлеру, указывает Шварценбергер, сводят политику только к силовой борьбе и отвергают «даже тот минимальный набор правил приличия, христианских традиций и юридических договоров, которые в прошлом ограничивали использование обмана и насилия в борьбе Левиафанов»³⁷⁷.

Шварценбергер признает, что приверженцы политики с позиции силы не ошибаются ни в своем понимании исторических событий прошлого, ни в оценке настоящего. Однако, по его мнению, главное заблуждение Гитлера – это извращенное предположение, что международные отношения просто обязаны регулироваться только правом силы и не могут быть организованы в духе сообщества, управляемого властью закона.

³⁷³ Schwarzenberger G. The Rule of Law and the Disintegration of the International Society. P. 77.

³⁷⁴ Теория международных отношений: Хрестоматия/Сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. С. 185.

³⁷⁵ Schwarzenberger G. Power Politics. P. 11.

³⁷⁶ Ibidem.

³⁷⁷ Ibidem.

Констатируя господство политического реализма в современной ему практике международных отношений, Шварценбергер (так же как и Эдвард Карр) считает невозможным ограничиваться исключительно рамками реализма. Более того, он резко выступает против самой идеи объективного отражения реальности, как единственной задачи исследователя международных отношений. По его мнению, при рассмотрении международной политики было бы слишком просто – всего лишь отстраненно взвешивать «за» и «против». Однако, считает Шварценбергер, это постепенно приведет к позиции циника, который называет себя реалистом и анализирует международные отношения с точки зрения постороннего наблюдателя. В демократическом обществе отношение к изучению международных отношений в духе «искусство ради искусства» несовместимо с функциями теории международных отношений как науки и является бегством от действительности. Все те, кто считает демократию реальностью, кто полагает, что люди – нечто большее, чем пешки в силовой политике, должны не только наблюдать и анализировать международные отношения, но также должны заниматься вопросами конструктивного их планирования³⁷⁸.

Шварценбергер указывает, что ни в международном, ни любом другом обществе невозможно обнаружить какой-либо социальный фактор, который был бы изолирован от взаимодействия с другими факторами. Именно поэтому международные отношения столь сложны и динамичны. Тем не менее, существует определенная иерархия значимости различных факторов международной политики. Причем, по мнению Шварценбергера, главную роль в международном обществе все же играет национальное государство³⁷⁹.

Притом, что одним из основных принципов международного права является признание равенства всех государств, фактически они обладают далеко не равным статусом. Шварценбергер подчеркивает, что иерархия существует де-факто даже в тех сообществах, где главенствует власть закона, поскольку обладать правами по закону – еще не означает возможности пользоваться ими на практике. Что же касается сложившейся иерархии государств в международном обществе, она является проявлением фактически существующих различий в их могуществе³⁸⁰.

Иллюстрируя зависимость статуса государства от его могущества, Шварценбергер утверждает: «Положение Германии было серьезно подорвано ее односторонним разоружением в соответствии с условиями мирного договора, а вооружение, проведенное Третьим Рейхом, ... сделало гораздо больше для восстановления ее международного статуса, чем все благородные слова и жесты представителей Веймарской республики»³⁸¹. Предупреждая возможные упреки в циничности, Шварценбергер оговаривается, что он никоим образом не восхваляет Гитлера, сравнивая его, например, со Штреземанном, но просто демонстрирует принципы, на которых основана иерархия государств.

Итак, главный фактор, определяющий положение государства в мировой иерархии – военное могущество. В сочетании с этим фактором, но не сами по себе, определенной значимостью обладают экономика, финансы, размер территории, наличие колоний, количество населения. Интересно, что, помимо материальных составляющих, Шварценбергер подчеркивает необходимость наличия «воли к власти». По его мнению, на самом вершине мировой иерархической пирамиды находятся державы, не только обладающие более чем средним могуществом (военным, политическим, экономическим и финансовым), но и готовые использовать этот свой потенциал для сохранения или улучшения своего положения в международном обществе.

Склонность великих держав к экспансии (причем к экспансии стремятся все великие державы; отсутствие подобной «воли к власти» переводит державу в ранг второразрядных) обуславливается рядом причин. Во-первых, капиталистическая система сама по себе нуждается в неограниченной экспансии. Желание капиталистов получить доступ к источникам сырья и монополизировать рынки совпадает с политическим стремлением любой державы (power), находящейся в системе силовой политики (power politics), достичь максимума самодостаточности по отношению к запасам стратегических ресурсов, необходимых для ведения войны, а также приобрести контроль над стратегически важными территориями. Кроме того, правила игры си-

³⁷⁸ Schwarzenberger G. Power Politics. P. 19.

³⁷⁹ Ibidem. P. 52-53.

³⁸⁰ Ibidem. P. 75-76.

³⁸¹ Ibidem. P. 78.

ловой политики и система баланса сил требуют, чтобы государства получили соответствующие компенсации, если их оппоненты что-либо приобретают. Самой же главной, основной причиной склонности к экспансии Шварценбергер считает естественное стремление к увеличению собственного могущества³⁸².

Конечно же, признает Шварценбергер, поступки людей невозможно объяснить с помощью какого-либо единственного фактора, необходимо учитывать взаимодействие самых различных мотивов и причин. «Однако, в конечном итоге, ответ афинского посла представителем Спарты в 432 г. до н. э. по-прежнему является самым глубоким и мудрым объяснением причин поведения людей в анархическом обществе»³⁸³. В речи, на которую ссылается Шварценбергер, афиняне заявляли: «...в нашем поведении нет ничего странного или противоестественного, коль скоро предложенную нам власть мы приняли и не выпускаем ее из рук под влиянием трех могущественнейших стимулов: чести, страха и выгоды»³⁸⁴.

Утверждая, что высший «закон» международного общества – сила³⁸⁵, Шварценбергер указывает, что все же существуют сферы, где международное право действует более эффективно, чем сила. К ним могут относиться, например, транспорт, связь, экономическое и финансовое сотрудничество. Выгоды от следования международному праву в данных сферах могут побудить даже самое могущественное государство «играть по правилам»³⁸⁶.

Кроме международного права, можно говорить о существовании в международной политике неких общих норм морали, хотя их и нельзя отождествлять с моралью в отношениях между индивидами³⁸⁷. Мораль в международном обществе, считает Шварценбергер, – не инструмент сдерживания и ограничения собственного поведения, а мощное оружие, позволяющее подвергнуть критике действия соперников, как нынешних, так и потенциальных. Все же правительствам приходится прилагать некоторые усилия, чтобы уж совсем очевидно не нарушать общепринятые нормы морали³⁸⁸.

Несмотря на свое согласие с выводами Фукидида, Макиавелли и Гоббса, Шварценбергер все же не считает, что сущность международной политики остается неизменной. Структура международной системы построена на концепции суверенного государства. Поскольку государства состоят из людей, международные (international) отношения можно считать отношениями между людьми (interhuman). Люди же не всегда считали необходимым хранить верность именно государству. В конечном итоге, полагает Шварценбергер, от воли людей, от принятых ими решений зависит, останется ли мир ареной борьбы вооруженных до зубов эгоцентричных единиц, или же государства смогут преобразоваться сами и превратить международную анархию в сообщество, объединенной верховенством закона и приверженностью новым, более широким ценностям³⁸⁹.

Достижимо ли построение международного общества, где достигается гармония интересов, или мир является полем игры с нулевой суммой – вопрос, скорее, веры, поскольку научные обоснования обеих доктрин одинаково неубедительны, утверждает Шварценбергер. Какая из доктрин победит – зависит от воли человечества, сможет ли оно разорвать порочный круг взаимосвязи существующего общества и ментальности, которую оно порождает. Если людей устраивает международное общество, в котором человек человеку – волк, это отношение и определяет характер межгосударственной системы. Если же люди решат основывать свои отношения на принципах взаимности и самоотречения, то произойдет трансформация международной анархии в наднациональное сообщество³⁹⁰.

В конечном итоге, Г. Шварценбергер полностью разделяет следующие положения политического реализма:

1. главным фактором международных отношений является суверенное государство;

³⁸² Schwarzenberger G. Power Politics. P. 79-83.

³⁸³ Ibidem. P. 98.

³⁸⁴ Фукидид. История. СПб.: Наука, 1999. С. 61.

³⁸⁵ Schwarzenberger G. Power Politics. P. 138.

³⁸⁶ Ibidem. P. 147.

³⁸⁷ Ibidem. P. 154.

³⁸⁸ Schwarzenberger G. Power Politics. P. 165-168.

³⁸⁹ Ibidem. P. 103.

³⁹⁰ Ibidem. P. 104.

2. положение государства в существующей де-факто иерархии зависит от его могущества, в первую очередь военного;
3. все ведущие державы стремятся к экспансии;
4. причины поведения людей в анархическом обществе остаются неизменными со времен Фукидида;
5. типичное поведение в подобном обществе – гонка вооружений, создание альянсов, система баланса сил, война;
6. мораль и право действуют в отдельных, менее значимых сферах международной жизни, либо сознательно используются ради прикрытия истинных целей.

С другой стороны, Шварценбергер отстаивает следующие постулаты, характерные скорее для идеализма:

1. люди могут сознательно изменять свое поведение кардинальным образом;
2. построение международного сообщества возможно при наличии у людей соответствующей воли;
3. задача исследователя международных отношений состоит не только в том, чтобы описывать существующую реальность, но и в том, чтобы конструировать будущее.

В заключении Шварценбергер приходит к выводу, который трудно вписать в «макиавеллианскую» традицию политического реализма. По его мнению, единственная надежда человечества – вернуться к истокам западной цивилизации, христианство – единственное, что все еще может связать западный мир и что включает все ценности, на основе которых может быть создано истинное сообщество. Последние строки его работы вообще звучат скорее как призыв проповедника, нежели чем как строгий анализ теоретика: «Чем больше западные страны осознают, что христианство является самой важной основой их существования, и будут применять христианские принципы в регулировании своих внутренних и, особенно, своих социальных отношений, тем больше они обратятся к истокам западной цивилизации и тем скорее смогут интегрироваться в истинные сообщества. Никакие лозунги или программы не смогут заменить подобного примера. Христианские сообщества, в которых демократия и социальная справедливость стали реальностью, держат в своих руках ключ к победе и успешной послевоенной реконструкции»³⁹¹.

Ю.С. Барышникова

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ США О ПОЛИТИКЕ ДЖ. Ф. КЕННЕДИ В ОТНОШЕНИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Политика США в Южной, Центральной Америке и странах Карибского бассейна в годы президентства Дж. Ф. Кеннеди ознаменовалась своеобразным «открытием» этого региона своим североамериканским соседом. Казалось, Латинская Америка вышла из забвения внешней политики США и вновь приобрела многоликое звучание в унисоне внешнеполитических приоритетов и стратегий. Кеннеди сделал этот регион одним из ключевых моментов своей предвыборной программы, да и в течение всего срока своего президентства лично пристально следил за положением дел в регионе.

После окончания холодной войны и постепенного открытия архивов ученые обращаются к изучению политики США к югу от Рио-Гранде, рассматривая ее с высоты современных реалий и используя новые доступные источники. «Как оценивает историограф Буртон Кауфман, интерпретация внешней политики США стала более сложной и неоднозначной, чем это признавали защитники Кеннеди или же ранние ревизионисты. Историки продолжают поднимать трудные вопросы, но становятся все более и более тонки и проникательны в своих аргументах, рассматривая Кеннеди в контексте истории холодной войны»³⁹².

³⁹¹ Schwarzenberger G. Power Politics. P. 433-434.

³⁹² Kaufman B.R. John F. Kennedy as World Leader: A Perspective on the Literature// Diplomatic History. 1993. N17. P. 447-469. Цит. по: Rabe S.G. The Most Dangerous Area in the World. John F. Kennedy Confronts Communist Revolution in Latin America.- Chapel Hill and London: The University of North Carolina Press, 1999. P.4.